

47.1

П27

Д. ПЕРЕЛЕШИН

БЕСЕДЫ ОБ ОХОТНИЧЬЕМ ХОЗЯЙСТВЕ

МОСКВА

КОИЗ

1 9 3 1

*Дуракову
Т. В. Образцову
В. В. Авилову*

С. Д. ПЕРЕЛЕШИН

БЕСЕДЫ

ОБ ОХОТНИЧЬЕМ ХОЗЯЙСТВЕ

КООПЕРАТИВНОЕ ОБЪЕДИНЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА

К О И З

1 9 3 1

50

ПРИНТИРОВАНО
МОСКВА
1931

- 0102437 -

Разрешено Мособлитом 17/III—31 г.

Тираж 10.000.

8-я типография „Мосполиграф“, ул. Фридриха Энгельса, 48.

Государственная
библиотека
Югры

РФ

Коллекция

Литиль-Мэри

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Практика отдела промыслового хозяйства Всекохотсоюза дает основание утверждать, что работа по реконструкции охотничьего промысла в подлинное охотничье хозяйство разворачивается не всегда в той последовательности, которая являлась бы наиболее целесообразной. Причина ясна. Новизна дела, отсутствие проверенного опыта, а отчасти и недостаточное знакомство с теми биологическими законами, которым подчиняется охотничье хозяйство. Недостаточное знание этих законов ведет к тому, что, приступая к организации охотничьего хозяйства, часто намечают такие мероприятия, которые в лучшем случае не окажут никакого благоприятного влияния на состояние хозяйства, а в худшем — могут отозваться на нем отрицательно.

Стремление работников пополнить свои знания наталкивается на почти полное отсутствие соответствующей литературы на книжном рынке. Та литература, которая имеется в обращении, либо освещает вопрос организации охотничьего хозяйства лишь с точки зрения дичеразведения, либо трактует об охотничьих хозяйствах чисто любительского типа, ни в какой мере не освещая вопроса организации охотничьего хозяйства

в промысловых районах, где, конечно, способ организации будет совершенно иной, чем в районах непромысловых (любительских). Все это привело к тому, что, приступая к организации охотничьего хозяйства, руководители этой работы часто намечали такой план, который требует больших затрат для своего осуществления, не обеспечивая возможности получения того эффекта, который можно было бы получить от этих же средств, но используя их иным способом. Так, очень часто приходится встречаться со стремлением разрешить вопрос увеличения количества промысловых животных путем закупки их в других районах и подсадки в организуемое хозяйство без предварительного изучения причин, влияющих на уменьшение их запасов. Также часто увлекаются подсадкой кормовых и защитных растений без учета естественных запасов корма и иных факторов, определяющих количественный предел стада, и т. д.

Часто об'являют конкурс на истребление хищников, не проводя подготовительную работу по ее организации. В результате взамен борьбы с хищниками получается организация дорогих спортивных охот по волкам, а взамен истребления вредных пернатых хищников получается истребление сотен тысяч полезных хищных птиц, защищающих наши поля и леса, а, следовательно, косвенно охраняющих и наше охотничье хозяйство от вредителей.

Если раньше можно было смотреть на эти мероприятия как на учебу в процессе работы (пока расходы на них проводились за счет собственных средств охотников

и отчасти системы, причем чаще всего в любительских районах), то теперь, когда системе охоткооперации государство отпускает на восстановление и организацию охотничьего хозяйства крупные средства в порядке производственного кредитования, — эти средства необходимо затратить так, чтобы не только можно было возвратить их в определенный срок, но чтобы за их счет и восстановить хозяйство.

Настоящая работа и ставит своей задачей подвергнуть анализу и поставить на обсуждение целый ряд явлений и мероприятий из практики охотничьего хозяйства, привлечь внимание практических работников к этим вопросам и тем самым широко развернуть строительство охотхозяйства.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Охотничье хозяйство занимает далеко не последнее место в общем балансе нашего народного хозяйства. Помимо того, что пушнина играет значительную роль в нашем экспорте, охота является одним из основных источников существования многих туземных народностей нашего Севера. Состояние охотничьего хозяйства определяет не только уровень их благосостояния, но зачастую и самую возможность существования.

Таким же бесспорным фактом нужно признать и то, что состояние охотничьего хозяйства ухудшается, что некоторые виды наиболее ценных животных находятся под угрозой окончательного истребления. Необходимо принимать срочные меры, чтобы вывести охотничье хозяйство из упадочного состояния. Но как только намечаются попытки в этом направлении, так мы наталкиваемся на ряд разноречий по поводу целесообразности отдельных мероприятий. И это вполне естественно. Вопрос настолько не исследован, что не только техника проведения рационализаторских мероприятий нам часто неизвестна, но даже методика оценки биологической и экономической целесообразности тех или иных мер — не установлена. Поэтому является совершенно необходимым поставить на обсуждение основные принципы организации охотничьего хозяйства. Излагаемые мнения отнюдь не являются чем-либо новым и оригинальным, а лишь попыткой систематизировать и тем самым вызвать обсуждение положений, давно известных, хотя и не общепризнанных.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Среди других областей народного хозяйства охотничье хозяйство принципиально выделяется рядом существенных признаков.

Так, охотничье хозяйство дает очень малую продукцию на единицу площади сравнительно с другими видами хозяйства, что в свою очередь требует очень большой территории, чтобы поддержать возможность существования для охотника-промышленника.

Одним из самых характерных отличий охотничьего хозяйства от других видов хозяйства служит очень ограниченная возможность прямого воздействия хозяина на объекты хозяйства путем приложения своего труда в желательном для хозяина направлении. Действительно объекты охотничьего хозяйства—дикие звери и птицы населяющие охотничьи угодья и находящиеся в состоянии естественной свободы, лишь с значительно большим трудом могут подвергаться воздействию и изменению со стороны хозяина-охотника, чем домашние животные и возделываемые растения со стороны земледельца или объекты промышленной переработки со стороны рабочего.

Наиболее простой и древней формой такого воздействия является просто добыча охотничьего животного. Более сложной формой воздействия на животное будет изменение угодий, например, путем изменения растительности, уничтожения хищников или другими способами, косвенно отражающимися на жизни охотничьих животных. Наконец, при наибольшей интенсификации

охотхозяйства мы начинаем применять меры, непосредственно воздействующие на охотничье животное—подкормкой, устройством искусственных убежищ, посадкой животных из одних угодий в другие и т. д., т. е. мы приближаем условия жизни охотничьего животного к условиям жизни домашних животных.

Затруднительность учета объектов хозяйства—диких животных еще более увеличивает трудность воздействия на них, а, следовательно, и трудность ведения охотничьего хозяйства и его рационализации. В этом отношении рыбное хозяйство довольно близко напоминает охотничье. Так же, как и в охотничьем хозяйстве, здесь мы видим трудность учета, трудность воздействия и огромное влияние природных условий на результат хозяйства.

Но все же, благодаря значительно большему вниманию, которое уделялось рыбному хозяйству, основные принципы и методы его ведения разработаны значительно лучше. Поэтому для определения понятия «рациональное» (правильное) охотничье хозяйство мы воспользуемся формулой, определяющей то же понятие для рыбного хозяйства, слегка изменив и выразив ее так:

Задачей рационально построенного охотничьего хозяйства является:

1) получение с единицы площади охотничьих угодий наибольшего допустимого количества продукции охоты;

2) в наиболее ценном и выгодном для дальнейшего использования виде;

3) с наименьшим вредом для остающихся на этой территории животных;

4) с обязательным сохранением запасов производителей, обеспечивающих получение прироста, не меньшего полученной продукции, т. е. с обеспечением возможной непрерывности пользования.

5) и с наименьшей затратой средств, времени и сил.

Наиболее практически важным, а, следовательно, и наиболее интересным, но в то же время и наиболее сложным является вопрос, как согласовать между собою четвертое и первое положение, т. е. как обеспечить непрерывность использования при получении максимального количества продукции или, что то же, как определить наибольший допустимый размер добычи.

Для разрешения этого вопроса проследим, за счет каких наличных запасов промысловых животных может получаться эта наибольшая добыча.

Ведь в основном «стаде», как мы обычно называем наличный запас промыслово-охотничьих животных, находящихся в естественных условиях, т. е. без воздействия со стороны человека, никаких «избытков» животных нет.

Как общее правило, размер «стада» находится в строгом соответствии с кормностью охотугодий и другими условиями и из года в год при неизменности окружающих условий сохраняет свою величину постоянной или, говоря точнее, размер стада колеблется вокруг постоянной средней. Следовательно, ежегодный прирост «стада» равен нулю, так как ежегодная естественная смертность животных, примерно, равна ежегодному приплоду.

Если в этом «стаде» вести умеренный отстрел, то обычная средняя годовая цифра «поголовья» останется прежней.

Действительно, если до начала отстрела (до воздействия человека) ежегодный приплод равнялся ежегодной смертности, то отстрел пойдет, во-первых, за счет уменьшения случаев естественной гибели животных, т. е. даст возможность использовать те запасы, которые до сего времени пропадали непроизводительно, и, во-вторых, может отчасти уменьшить обычный процент смертности, ставя в более благоприятные условия остав-

лихся, путем устранения конкурентов на наличные запасы кормовых ресурсов и уменьшая плотность заселенности охотничьих угодий, чем уменьшается возможность развития эпидемических заболеваний.

Эти благоприятные условия, повышая жизнеспособность всего стада, во-первых, уменьшают естественную смертность, а, во-вторых, повышают рождаемость. Вот это-то уменьшение смертности и увеличение рождаемости может компенсировать умеренную добычу животных и поддерживать стадо в равновесии.

Такой результат умеренной эксплуатации объясняется тем, что животные каждого вида в среднем всегда производят потомства больше того количества, которое может выжить, т. е. имеют некоторый запас численности вида, за счет которого и обеспечивается само существование вида. Ведь на протяжении огромных периодов времени существования вида он временами находился то в более, то в менее благоприятных условиях существования. Следовательно, вид, не имеющий такого запаса численности, не мог бы сохраниться до нашего времени, так как вымер бы при ухудшении условий существования в неблагоприятные периоды. Вот на существовании этого избытка запаса численности и базируется охотничий промысел.

Если мы проследим, как при прочих равных условиях влияет на состояние запаса животных и на выход добычи постепенное усиление отстрела, то должны будем установить следующие 4 положения:

1) До вмешательства человека в стаде сохраняется наибольший «биологический запас»¹⁾. Выход полезной продукции равен нулю.

¹⁾ Не знаю более подходящего термина, мы называем „биологическим запасом“ то количество животных данного вида, которое гибнет в результате неблагоприятных условий, вызванных конкуренцией других особей данного вида, выражаясь фигурально—гибнет „от тесноты“.

2) При умеренном отстреле «биологический запас» сохраняется, хотя и в меньшем, чем в первом случае, количестве, и имеется небольшая полезная продукция. Следовательно, обычный средний годовой количественный состав стада не уменьшается. Непрерывность пользования обеспечивается.

3) Отстрел увеличивается — «биологический запас» остается минимальный, выход продукции максимальный. Непрерывность пользования обеспечена.

4) Если еще более усилить отстрел, то стадо пойдет на убыль, так как продукция будет увеличиваться уже не за счет «биологического запаса», а за счет основного стада производителей, т. е. не только не останется «биологического запаса», но даже смертность превысит рождаемость и непрерывность пользования не будет сохранена.

Если своевременно не приостановить перебоя, то численность стада, а следовательно, и приплода, будет все меньше. Сильно сократившаяся, по сравнению с прежним, добыча все же теперь будет являться чрезмерной и поведет к уменьшению животных в геометрической прогрессии. Следовательно, в дальнейшем ежегодно будет сокращаться и размер добычи и основное стадо. Кормовые запасы охотугодий будут использоваться далеко не полно, так же, как и удобные для гнездовья места.

Но если добыча своевременно будет прекращена, то стадо может очень быстро восстановиться до прежнего количества. Действительно, и в отношении корма и мест для устройства гнездовья и в отношении безопасности от инфекционных заболеваний — оставшиеся животные будут находиться в исключительно благоприятных условиях. Мы знаем, с какой быстротой размножаются животные, оказавшиеся в благоприятных условиях. Всем известные примеры размножения кроликов, завезенных в Австралию, крупного одичавшего скота в Америке, одичав-

ших свиней и коз на островах Тихого океана — являются прекрасной иллюстрацией этого положения. Но если добыча не была прекращена во-время и перебой зашел слишком далеко и животных уцелело слишком мало, то может случиться, что даже полное прекращение добывания зверя уже не поможет. При малочисленности оставшихся животных создается целый ряд неблагоприятных условий. Становится трудно встретиться самцу и самке; оставшиеся животные будут размножаться в близком родстве, что обычно очень неблагоприятно отражается на жизнеспособности потомства. Поэтому случайное, но всегда возможное стечение неблагоприятных условий может погубить всех оставшихся в живых особей, и на данной территории вид этот вымрет целиком.

Таким образом мы видим, что как слишком малая добыча, так и слишком большая, т. е. как недобой, так и перебой с точки зрения рационального использования запасов охотничье-промысловых животных нежелательны. Оба ведут к тому, что производительность охотугодий не используется. В первом случае потому, что имеющиеся в охотничьих угодиях большое количество охотничьих животных не добывается человеком, а гибнет от естественных причин без всякой пользы, а во втором — потому, что слишком малое количество охотничьих животных не может использовать всей кормности. Но между двумя этими случаями есть огромная разница. В случае недобоя всегда можно увеличить добычу и тем приблизиться к желательной максимально допустимой добыче, в случае же перебоя и сокращения стада, лишь трудная и продолжительная работа по восстановлению стада, связанная с временным прекращением добычи, дает возможность довести стадо до нормального поголовья и добычу — до максимальной допустимой. Поскольку недопромысел — меньшее зло, чем перепромысел, и поскольку очень трудно, а часто и невозможно своевре-

менно заметить, что добыча уже равна допустимому максимуму, что «биологический запас численности» уже равен нулю, то наиболее желательная величина добычи будет несколько меньше наибольшей допустимой, чтобы сохранить некоторый минимальный биологический запас в качестве страховки. По мере увеличения наших знаний, по мере уточнения учета численности и изучения биологии стада этот страховочный биологический запас, как ненужный, можно будет сокращать все более и более (т. е. добыча может увеличиваться), потому что никакая особая страховка не будет нужна. Зная достаточно все относящиеся к жизни охотничьего животного, мы всегда сможем своевременно в случае надобности сократить добычу для компенсации каких-либо случайных неблагоприятных моментов. Таким образом, при дальнейшем развитии наших знаний об охотничьем животном будет целесообразно довести добычу действительно до максимальной, биологически возможной (допустимой), т. е. вести охотхозяйство без сохранения «биологического запаса численности» — так, как мы это делаем в области животноводства.

В действительности мы нередко находим разнообразные комбинации одновременно и недопромысла и перепромысла. В одних районах «охотугодий» (напр. в окрестности населенных пунктов) животные определенного вида бывают уже почти или начисто истреблены и охоты на них нет. По мере отдаления от населенного пункта, по мере затруднения посещений угодий, количество животных и размер добычи на единицу площади охотугодий увеличивается. Еще дальше от населенного пункта, несмотря на то, что животных достаточно, промысел вновь уменьшается, а дальше и совсем прекращается, потому что все охотничье население получает обычный заработок от охоты и удовлетворяется охотой в наиболее доступных для охотника участках, где еще сохранилось достаточное количество охотничьих живот-

ных. Таким образом, в схеме мы имеем вокруг населенного пункта такие зоны:

Первая — ближайшая к населенному пункту. Эта зона характеризуется почти полным отсутствием промыслово-охотничьих животных, а, следовательно, и отсутствием промысла и минимальным количеством животных на единицу площади.

Вторая — наиболее доступная и посещаемая. Здесь мы имеем перебой: малую добычу и малое количество животных на единицу площади охотугодий.

Третья — нормальный полный отстрел: большая добыча и большое количество животных на единицу площади.

Четвертая — недобой — небольшая добыча на единицу площади, но большая добыча на одного охотника. Очень большое количество животных на единицу площади.

Пятая — отсутствие промысла. Максимальное количество животных на единицу площади.

Первые зоны постепенно расширяются, удаляясь от населенного пункта и сменяя друг друга.

Таким образом, хотя в каждый данный промежуток времени добыча в целом и очень незначительна (реально используется лишь часть всего охотугодия) перебой в одной постепеннодвигающейся зоне охотугодия постепенно приводит к исчезновению животных на всем угодии, потому что район недобоя, а, следовательно, биологического запаса отделен от района исчезновения животного зоной интенсивного промысла.

Иногда уменьшает промысел не трудная доступность угодия, а малое знакомство населения с промыслом. Такой случай мы имеем с кротом. Огромные естественные запасы крота до последнего времени не эксплуатировались. Сейчас, когда появился хорошо оплачиваемый спрос на него в некоторых районах, быстро

развился промысел крота. Промысел этот настолько легок и выгоден, что очень быстро развивается там, где он начался, где местное население ознакомилось с его техникой, и где организована приемка шкурки.

Легкость и рентабельность промысла приводит к тому, что он, быстро развиваясь, нередко имеет своим результатом полное уничтожение крота в районе, где промысел начался.

Возможность почти полного истребления животного на одних площадях при наличии больших запасов того же животного на других, иногда очень недалеко расположенных площадях зависит от двух причин: 1-я—это изолированность тех районов, в которых животное истреблено, 2-я—способность животного к миграции, т. е. перемене места обитания. Изолирующая преграда может либо механически препятствовать переходу животного с одной площади на другую (так действует море, широкая река, горный хребет), либо биологически затруднять это прохождение. Таким биологическим препятствием может быть полоса чуждой данному животному стадии. Так, полоса степи не пускает белку в Крым. Биологической преградой может быть наличие конкурирующего животного. Возможно, что наличие лесной куницы является препятствием для проникновения соболя в районы, заселенные куницей. Наконец, как мы уже отмечали, зона интенсивного промысла также может служить преградой.

Что касается способности животного к миграции, то здесь тоже следует различать два момента. Механическую способность и биологическую склонность к передвижению. Рябчик, являясь быстро летающей птицей, механически может преодолевать расстояние гораздо быстрее и легче, чем белка. Но биологически рябчик—птица оседлая, мало склонная к миграциям, а белка—кочующий зверь. В результате получается, что, несмотря на наличие большого количества рябчика

в одних угодиях, часто недалеко расположенных, другие угодия вполне подходящие для рябчика; но где рябчик был истреблен, они очень долго остаются незаселенными рябчиком. В то же время угодья, где выбита белка, очень часто быстро заселяются ею в случае, если кормность их превышает кормность других районов, где обитает белка, хотя бы они и были значительно удалены.

Ознакомившись с причинами, влияющими на движение численности стада охотничье-промысловых животных, посмотрим, насколько целесообразны те меры, которыми обычно пытаются регулировать добычу животных, и в первую очередь охотничьи заповедники и заказники.

Заповедниками именуются площади, на которых навсегда запрещена охота и всякая иная их хозяйственная эксплуатация, способная сильно изменить их естественный ландшафт. Охотничьи заказники отличаются от заповедников тем, что охота в них запрещается не навсегда, а на определенный срок, обычно не свыше 10 лет. И те и другие организуются чаще всего для охраны какого-либо вида промыслово-охотничьих животных, количество которых начинает быстро уменьшаться, но запас которых еще имеется в том районе, где организуется заповедник или заказник.

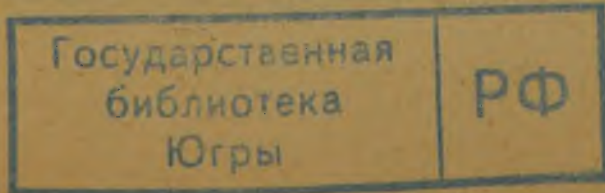
В отдельных случаях, когда такое «экстренное» уменьшение численности стада какого-либо животного является следствием перебоя и когда невозможно по каким-либо причинам прекращение охоты на это животное, проведение видового запрета, запуска, организацию заказников нужно признать мерой целесообразной. Но вне этих особых, исключительных случаев, гораздо более целесообразно организовать правильную эксплуатацию охотничьих угодий, т. е. правильное охотничье хозяйство, когда продукция промысла не превышает наибольшей допустимой добычи.

Действительно, стремясь охранить от истребления интересующее нас животное путем запрещения его добычи лишь на очень ограниченной площади, мы лишены возможности провести другую, более радикальную меру его защиты — это запрещение продажи той охотничьей продукции, которая получается в результате его добычи. Кроме того, запрещая всякую охоту на территории заповедника или заказника, мы невольно чисто механически берем под охрану и тех животных, охранять которых на этой территории мы не считаем нужным. Больше того, часто на этих площадях мы одновременно с интересующим нас животным охраняем от истребления и его конкурентов на кормовые ресурсы этих угодий, а иногда и прямых его врагов, т. е. ставим его в неблагоприятные условия.

Иное дело — правильное охотничье хозяйство. Здесь мы можем охранять интересующих нас животных, не прекращая использования площади хозяйства для добычи других, запасы которых не подорваны.

Защитники целесообразности заповедников и заказников обычно утверждают, что размножившиеся в них животные будут переселяться за их границы и населять соседние угодья, что количество их в заказнике очень быстро возрастет до такого предела, что после снятия заказа размножившиеся там животные дадут хорошую добычу, и что установление заказа на соседнем истощенном угодии даст те же результаты, т. е. возможность восстановиться истощенному количеству животных. Они считают, что, чередуя заказники, мы можем довести количество животных до желательного нам количества и разрешить проблему непрерывности пользования с одновременным постепенным увеличением добычи.

По нашему мнению, такое решение неверно. Как мы уже разобрали, размножаемость животных на каждой данной территории, при прочих равных условиях, зави-

сиг от интенсивности добычи. При отсутствии добычи количество животных в «основном стаде» определяется общим биологическим равновесием данного сообщества и дальнейшего прироста стада быть не может. Следовательно, количество животных на единицу площади максимальное, но количество выживающего приплода их на единицу площади очень невелико.

При сильном сокращении количества животных в результате чрезмерной добычи (перепромысла) размножаемость сильная, но поскольку животных на данной территории мало, то на единицу площади охотугодий прирост стада будет незначителен.

По мере увеличения на данной площади количества животных, процент прироста стада уменьшается, а количество животных на единицу площади увеличивается до тех пор, пока не достигает некоторого максимума, т. е. когда животное население придет к своему естественному постоянному равновесию. Отсюда ясно, что наиболее выгодно сохранять такое количество животных на всей данной территории, при котором приплод всего стада является максимальным, т. е. наиболее выгодно добывать ежегодно количество животных, равное приросту стада (приплоду минус естественная убыль за год). Это количество и будет составлять максимально допустимую добычу. При такой величине стада, как мы уже отметили, прирост его будет максимальным, и не будет надобности сокращать эксплуатационную площадь, т. е. не будут нужны никакие заказники. При таком способе эксплуатации непрерывность пользования охотугодия и максимальная их продуктивность будут вполне обеспечены. Действительно, выделяя часть охотугодия под заказники, мы тем самым уменьшаем эксплуатируемую площадь охотугодия. Окупается ли это благотворным действием заказника? Ведь при любом распределении охотугодий между эксплуатируемой и неэксплуатируемой (заказанной частью) непрерывность его использова-

ния достигается только тогда, когда ежегодная добыча не превышает прироста. Следовательно, максимальную добычу и максимальную рентабельность в течение неограниченного периода времени даст то охотничье угодие, в котором годовой прирост стада максимален.

Рассмотрев те условия, при которых мы имеем наибольший прирост стада в охотугодии, целиком находящемся под эксплуатацией, проследим, как будет изменяться стадо в тех охотничьих угодиях, где они разбиты на эксплуатационные участки и участки под заказом. В участке, находящемся под заказом, прирост стада может быть максимальным лишь один период, поскольку по мере увеличения стада прирост его в заказнике меняется от минимума через максимум до нуля. На эксплуатируемом участке естественный прирост будет также меньше максимального, потому что в связи с изъятием из пользования площади охотугодий (под заказ), естественно на оставшихся площадях на единицу площади охотников будет больше, а потому добыча их скорее превысит допустимый максимум, и прирост стада также уменьшается. Следовательно, с точки зрения рационализации хозяйства выделение заказных площадей является мероприятием невыгодным, так как прирост стада (а следовательно и рентабельность охотничьих угодий, часть которых регулярно выделяется под заказники) будет меньше, чем если бы те же угодия эксплуатировать полностью, но добыча ограничивалась бы допустимым максимумом.

Но помимо теоретической целесообразности, важным моментом является легкость технического выполнения того или иного мероприятия. Обычно указывают, что легче прекратить охоту и укараулить целый большой массив, так как каждый выстрел внутри этого массива будет указывать на браконьера, чем уследить за количеством животных, добываемых охотниками в течение всего сезона охоты. Нужно сказать, что местами на

больших территориях такой учет существует. Например, охотничий билет в Южной Африке (кстати сказать, стоящий очень дорого), дает право убить только совершенно определенное количество крупных млекопитающих. У нас во многих спортивных арендованных угодиях в дореволюционное время тоже проводилось ограничение добычи на одно ружье в один выход. Но нужно согласиться, что, как общее правило, такое ограничение в настоящий момент почти совершенно невыполнимо в условиях индивидуального промысла и огромных, малообжитых пространствах СССР, а потому не может быть признано целесообразным при построении промыслового охотхозяйства.

Поэтому мы полагаем, что действительная реконструкция охотничьего промысла в охотничье хозяйство возможна лишь при его коллективизации, на основе передачи на договорных началах охотничьих угодий охоткооперативным организациям. Только при условии коллективного использования охотничьих угодий мы будем иметь возможность осуществить 5-й принцип, положенный в основу определения рационализации охотхозяйства («получение наибольшей, допустимой продукции с наименьшей затратой средств, времени и сил»), и установить необходимое ограничение добычи, чтобы избежать выделения заказников.

Действительно, добыть максимум продукции за один выход охотника и тем сократить количество его выходов, необходимых для получения обычного заработка от охотпромысла, или дать возможность наиболее опытному охотнику добыть максимум и уменьшить количество труда и времени, затрачиваемого на охоту охотником, охотящимся в данной угодии, является весьма желательным с точки зрения 5-го принципа рационального охотхозяйства.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Для того, чтобы иметь возможность регулировать добывание промысловых животных на больших площадях и добиться равномерного распределения добычи внутри каждого отдельного района соответственно действительной продуктивности охотугодий, необходимо установить для них контингент допустимого отстрела. В реальных условиях нашей действительности и при уровне наших знаний такой контингент может быть установлен и проведен только в приписных коллективных хозяйствах.

Организация коллективного охотничьего хозяйства может быть проведена путем передачи монопольного права производить охоту на определенной территории охотникам, объединенным охоткооперацией, причем коллектив (артель) в свою очередь обязан:

- 1) сохранить охотугодия от истощения.
- 2) способствовать накоплению на переданных ему охотугодиях промысловых животных.
- 3) производить мелиорацию охотугодий.

Как мы уже разобрали, одним из важнейших мероприятий для сохранения угодий от истощения является установление контингента добычи, не превышающей нормальной продуктивности охотугодия. Только коллектив (артель) охотников, чувствующий себя хозяином охотугодий, знающий, что никто, кроме его членов, не имеет права охотиться на данной территории, и уверенный, что результатами его самоограничения (добычей

меньшего количества животных, чем это технически возможно) воспользуется он же, коллектив, а не «чужой дядя», может реально провести в жизнь ограничение отстрела. Нам кажется, что момент психологический здесь не менее важен, чем организационно-экономический. Действительно, самое важное создать у охотника взгляд на стадо промысловых животных, как на стадо домашних, владельцу которых никогда не придет в голову уничтожать их в неограниченном количестве лишь на том основании, что это технически сейчас возможно. Нужно сказать, что такой взгляд на охотничьих животных (в связи с чем отстрел ограничивается разумным контингентом) вполне развит в Германии и в некоторых других культурных странах у владельцев и арендаторов охотугодий.

В принципиально иных общественно-экономических условиях, при национализации земли, при подчинении эгоистических интересов личной наживы интересам общественной пользы, т. е. в условиях СССР, мы ни в коем случае не пытаемся развивать взгляда на промысловых животных, как на частную собственность. Наоборот, передавая право добычи их коллективу, мы прививаем охотнику взгляд на них, как на «нашу» коллективную собственность. Пусть под «нами» сначала подразумевается хотя бы небольшой коллектив кооперированных охотников,—логика построения охотничьего хозяйства неизбежно приводит к тому, что под «нами» охотник будет подразумевать все более и более широкий круг охотников. Дело в том, что поскольку ряд животных регулярно или нерегулярно производит далекие миграции (вспомним хотя бы перелетных птиц),—рационализация охотничьего хозяйства не может происходить на слишком малых площадях, потому что истребление промысловых животных во время их миграции может свести на-нет все рационализирующие мероприятия, если место их применения будет ограничено малой пло-

щадью охотничьих угодий. Поскольку объектом охотничьего промысла являются самые разнообразные животные, начиная от тех, которые никогда не отходят далеко от норы (сурок), вплоть до перелетных птиц, дважды в год перемещающихся за много тысяч километров, и поскольку эпидемические заболевания и хищники могут проникать в охотничьи хозяйства из соседних угодий—охотничье хозяйство по существу должно являться единым, по крайней мере спланированным, как единое в теоретическом пределе всего земного шара. В качестве практического приближения к этому теоретическому пределу мы представляем себе масштабы СССР. Рано или поздно (а мы думаем, что уже скоро) охотник силою логики вещей будет над «нами» подразумевать весь СССР и будет заботиться о сохранении мигрирующих животных так же, как и оседлых, будучи твердо убежден, что если сегодня он сохранил промысловое животное для отдаленного собрата по оружию, то завтра тот сохранит животное для него.

Одним из основных и в то же время очень трудных вопросов в приписных, коллективных охотничьих хозяйствах является распределение добычи.

Для правильного его разрешения необходимо иметь в виду, что коллектив (артель) получает охотничьи угодия от вышестоящего звена системы охоткооперации на уже указанных договорных началах, за выполнение которых он отвечает. Кроме того, приписка охотугодий уже самым фактом приписки уничтожает конкуренцию в охоте между членами данного коллектива и охотниками, не состоящими в коллективе. С последними потому, что только члены коллектива имеют право охотиться на территории приписного охотугодия. Но необходимо создать и такие условия, при которых была бы устранена конкуренция внутри коллектива между его членами (при сохранении максимальной заинтересованности всех членов охотколлектива в результатах охот-

ничьего хозяйства и максимальной инициативности каждого).

В промысловых районах и вообще среди промышленников такое совмещение заинтересованности в максимальной добыче с ликвидацией конкуренции возможно путем распределения добычи, пропорционально количеству всего вложенного в охотничье хозяйство труда, а не количества труда, затраченного только на добычу животного, т. е. в независимости от успешности промысла того или иного охотника. Действительно, по мере интенсификации охотничьего хозяйства—количество труда, необходимого для добычи животного, становится все меньшей и меньшей частью всего количества труда, вкладываемого в охотничье хозяйство в целом и определяющего возможность производить промысел в том размере, как он производится. Поэтому было бы несправедливо оставлять добычу тому промышленнику, который данное животное добыл, так как по существу этим он лишь реализовал труд всего коллектива, вложенный в воспитание и охрану этого животного. Поскольку форма артельного промысла хорошо знакома нашим промысловым районам, можно думать, что дальнейшее усиление коллективных моментов, превращение артельного охотпромысла в коллективное охотничье хозяйство представляется процессом вполне возможным, а при разумном подходе и не слишком трудно достижимым. Самая техника организации промысла может быть проведена таким образом: до начала промысла устанавливается контингент добычи животных на текущий год отдельно для каждого вида, а в случае большой территории приписного охотугодия и отдельно для разных его участков. При установлении контингента должна быть принята во внимание добыча прошлых лет и то, как такой размер добычи сказался на состоянии оставшегося стада (рост или уменьшение стада). Затем должно быть учтено наличие необычных воздействий на

стадо (эпидемия, необычные метеорологические условия), наличие или отсутствие неиспользованных стадом кормовых запасов, желание увеличить или уменьшить стадо и т. д. После того, как установленный контингент добычи данного вида достигнут, всякий промысел на него прекращается. Для того, чтобы у членов коллектива не было оснований нарушить этот контингент, должно быть установлено, что добыча, прекращающая контингент, хотя бы случайная (если данный охотник не знал, что контингент уже достигнут) бесплатно отчуждается в пользу того охотсоюза, в который входит коллектив, и поступает в особый фонд на мероприятия по организации охотхозяйства.

Организация коллективного правильного охотничьего хозяйства в чисто спортивных районах, среди охотников любителей, где охота не является источником существования и где ограничение добычи не влечет ухудшения материального положения членов коллектива, если и представляет известные трудности, то все же вполне выполнима. Здесь придется базироваться в значительной степени на разъяснительной работе и на заполнении времени охотника-любителя осуществлением мероприятий, направленных к увеличению количества охотничьих животных. На наблюдение, фотографирование их, отстрел хищников и другие занятия, близкие к спортивной охоте, полезные для охотничьего хозяйства и не сопряженные с уничтожением охотничьих животных.

Труднее всего будет организовать охотхозяйство в полупромысловых районах (а в настоящее время ряд районов, бывших до войны непромысловыми, в связи с повышением ценности пушнины стали полупромысловыми), где охота является лишь подсобным заработком и где охотник заинтересован лишь до некоторой степени в получении приработка путем охоты. Но все же и в таких районах организация хозяйства вполне возможна.

особенно принимая во внимание, что охотники этих районов по своему культурному уровню в массе значительно выше основного ядра охотников промысловых районов.

Установление контингента добычи, основанного на правильном учете производительных сил охотугодия, является гарантией того, что в результате эксплуатации не произойдет истощения. В таком случае естественно целый ряд ограничений, исторически сложившихся, в результате стремления обеспечить непрерывность использования при наличии конкуренции среди охотников становится излишним. При установлении же контингента становятся не только излишними, но безусловно вредными все ограничения, вызванные особой добычливостью того или иного способа охоты. Например, запрещение употреблять перевесы (для добычи водоплавающей дичи) не имеет никакого основания. Наоборот, перевес, как исключительно добычливое орудие, не связанное к тому же с расходами на огнебоеприпасы, почти идеально удовлетворяют требованию добычи «с наименьшей затратой средств, времени и сил».

В правильном охотничьем хозяйстве мы можем совершенно не бояться излишней добычливости перевеса. Ведь после того, как допустимое количество птицы будет добыто, охота все-равно будет прекращена, независимо, от того, каким способом будет добыто это количество дичи. Следовательно, введением перевеса мы не увеличиваем количества добытой птицы, а только удешевляем и облегчаем ее добычу. Разумеется, стремясь к приписке охотугодий, коллективизации охотпромысла и установлению видовых контингентов отстрела, как к реально достижимому идеалу, мы ни в коем случае не отказываемся и от других, хотя и менее совершенных мер, могущих быть целесообразными в тех случаях, когда установление контингента технически недостижимо. К таким мерам относятся:

1) Ограничение количества охотников на данной территории,

2) скользящие сроки охоты,

3) ограничение тех или иных орудий промысла.

Общий принцип реального применения всех этих ограничений основан на том, что поскольку техника охоты меняется сравнительно медленно, то и добыча одного охотника в один и тот же промежуток времени сходными орудиями не очень разнится из года в год. Потому, устанавливая ограничения по этим трем линиям на будущий год, в зависимости от результатов промысла и состояния стада в текущем году, мы можем влиять на рост или уменьшение стада промысловых животных в желательном для нас направлении.

Конечно, ограничение количества охотников, сокращение сроков или запрещение орудий лова является средством менее гибким и не столь точно действующим, как установление контингента отстрела. Кроме того, эти меры не ведут к устранению конкуренции между охотниками, опромышляющими одни и те же охотугодия, в то время как отсутствие конкуренции, отсутствие стремления взять больше продукции, чем раньше успеют взять ее другие, является важнейшим психологическим моментом рационализации охотничьего хозяйства. Охотничий промысел превращается в рациональное охотничье хозяйство только тогда, когда кончается конкуренция между охотниками.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

До сих пор мы разбирали целесообразность тех или иных мероприятий, учитывая лишь один способ воздействия на объекты хозяйствования—обстрел, причем теоретически брали, что условия жизни животных во всем остальном остаются неизменными, а количество их определяется только тем, насколько промысел уменьшает количество животных против того количества, которое могло бы быть при отсутствии промысла. Но воздействие на промысловых животных со стороны человека может быть не только пассивным,—не брать больше, чем следует, но и активным, т. е. направленным непосредственно к тому, чтобы увеличить их количество.

Из таких мер можно отметить:

1) борьбу с хищниками, истребляющими интересующее нас животное;

2) сокращение бесполезных для охотничьего хозяйства конкурентов на потребление кормовых запасов, необходимых для интересующего нас животного;

3) изменение кормности района путем подкормки или количества мест для гнездования;

4) реакклиматизация и акклиматизация новых для данных угодий видов.

Количество промысловых животных, истребляемых в пределах СССР вредными хищниками, и в первую очередь волками, росомахами, рысями, бурыми медведями—огромно. Вероятно, для некоторых районов количество промыслового зверя (особенно копытных), ис-

требляемого этими хищниками, превосходит количество, добываемое там человеком. Следовательно, уничтожая этих хищников, мы можем сильно увеличить стадо промысловых животных и добывать их, не нарушая равновесия, а просто беря в доход человека то, что раньше шло на прокорм хищнику. Однако, необходимо отметить, что полное уничтожение этих хищников может неблагоприятно отразиться на охотничьем хозяйстве. Дело в том, что хищники (по понятным причинам), истребляя в первую очередь больных и слабых животных, являются крайне важным фактором естественного отбора, поддерживающего все население в здоровом и жизнеспособном состоянии. Отстрел слабых и заболевших животных может до некоторой степени заменить оздоравливающее действие хищников лишь по отношению к немногочисленным крупным животным, индивидуальное знание каждого экземпляра которых возможно лишь в охотничьем хозяйстве, расположенном на небольшом участке охотугодий при небольшом стаде этих животных. Поэтому идеалом должно являться уменьшение хищников до определенного минимума, но отнюдь не полное их истребление. Поскольку чаще всего те же хищники (практически важны в этом отношении волк и медведь) являются вредителями сельского хозяйства (скотоводства),—проблема хищников является и проблемой сельского и охотничьего хозяйства одновременно. К сожалению, реальное уменьшение количества хищников идет крайне медленно. Военный и послевоенный периоды характеризуются большим ростом количества волков. Важнейшей причиной этому послужило в промысловых районах уменьшение количества охотников, призванных в армию, а в непромысловых—сокращение, а потом и ликвидация псовых охот и прекращение зимних охот по псковскому способу, которые практиковались рядом охотничьих обществ, державших для этого егерей-окладчиков.

Подходя к делу с точки зрения спортивного интереса, а не борьбы с вредителем народного хозяйства, дореволюционная охотничья организация и егеря-волчатники ни в коей мере не были заинтересованы в радикальном уничтожении волков и часто сознательно пропускали без выстрела волчиху. По тем же причинам ими не применялся и такой метод, как разорение весной логовищ и уничтожение волчат на гнезде, что является самым простым, дешевым и радикальным средством уничтожения или хотя бы быстрого уменьшения волчьего поголовья.

К сожалению, этот способ и до сих пор у нас все еще крайне слабо развит. Причиной этому являлось отчасти очень широкое распространение поверия, что волчица мстит людям, убившим волчат, нападая на их скот и производя большие опустошения в стадах. Вероятно, основанием этому поверью послужило то, что волки действительно обычно не режут скот в ближайших окрестностях логова, пока в нем находятся молодые. Таким образом, не трогая волчат в данном логове, близлежащие селения как бы подкармливают их скотом соседней деревни. Впрочем осенью, когда молодые подрастут, волки начнут резать скот и в окрестностях своего уже покинутого гнезда.

Если дружно взяться за истребление гнезд, местонахождения которых хотя и не всегда бывают известны, но безусловно при желании в большинстве случаев может быть выяснено, то в течение немногих лет в огромной части СССР количество волков будет резко сокращено, а местами может быть сведено до минимума. Одним из важнейших стимулов к разворачиванию действительной борьбы с хищниками может служить повышение цен на шкуру убитого волка, причем это повышение должно сохраняться и на шкуры летнего и осеннего боя, чтобы не создавать обстановки, при которой бить волка летом будет невыгодно. Кроме того,

необходимо оплачивать и забитых весной волчат. Каждый волк приносит столь большой вред сельскому и охотничьему хозяйству (по мнению некоторых авторов до 250 р. золотом в год в среднем), что даже очень большое повышение цен, если признать, что оно действительно будет стимулировать истребление волков,— было бы в интересах народного хозяйства весьма целесообразно.

Если для нас совершенно ясна необходимость и желательность резкого уменьшения числа волка, рыси, росомахи, а во многих районах и бурого медведя, то многие хищники имеют столь большое значение как пушные звери, что только изучение всех конкретных условий данного района может определить желательность увеличения или уменьшения их количества. Действительно, что выгодней—усилить добычу лисицы и тем повысить выход зайца или сохранить лису за счет зайца. Лисья шкурка гораздо дороже, но зато для «производства» одной лисьей шкурки должно погибнуть много зайцев. Помимо зайцев, лиса съест много охотничьей птицы (что нежелательно), но в то же время она истребит массу мышей, что крайне важно в земледельческих районах, но не приносит никакой пользы в районах, не сельско-хозяйственных, и т. д. Выгодно ли уменьшить куницу и тем самым увеличить выход белки и лесной дичи? Насколько решение всех этих вопросов зависит от целого ряда местных условий, показывает хотя бы то, что ряд важнейших пушных зверей СССР: лисица, хорь, горностай, куница или считающаяся у нас безусловно полезной ласка — в Германии беспощадно уничтожаются, как враги охотничьего хозяйства. К сожалению, эта интереснейшая тема, имеющая столь большое практическое значение, до настоящего времени чрезвычайно мало разработана.

Можно предполагать, что по мере улучшения путей сообщения и заселения отдаленных районов, преиму-

щества транспортабельности пушнины вероятно будут менее важными, и мясная продукция будет приобретать все большее значение в общей продукции охотпромысла, и вопрос охраны от хищников пернатой дичи также приобретет значительно большее, чем теперь значение.

Несомненно, что в жизни всего биологического комплекса, включающего промысловых животных, очень большую роль играют и хищные птицы. Разумный их отстрел также может сильно повысить количество и выход дичи на единицу территории. Отстрел хищной птицы, будучи делом технически гораздо более легким, чем борьба с вредными хищными зверями, производится очень часто и теперь многими охотниками-любителями (промышленниками более дорожат зарядом и стреляют в них реже). К сожалению, большое количество видов хищной птицы и полное зоологическое невежество огромного большинства охотников, не умеющих отличить вредных хищных птиц от полезных, приводит к тому, что, вместо действительно вредных, под выстрел попадают очень полезные или безразличные виды. Большинство охотников, считая вредными всех хищных птиц, объединяют их под названием «ястребов». В результате в первую очередь истребляются луны, сарычи, совы и кобчики. Действительно же вредный камышевый лунь, ястреба-тетереватники и перепелятники и некоторые другие вредители добываются несравненно реже.

Несомненно, что борьба с хищными птицами в том виде, как она проводится в настоящее время, приносит не пользу, а вред и весьма серьезный, поскольку истребляется масса полезных для поля и леса, а, следовательно, косвенно и охотничьего хозяйства птиц, уничтожающих огромное количество мелких грызунов и насекомых.

Для того, чтобы поставить борьбу с вредными хищными птицами сколько-нибудь разумно, необходимо как

следует ознакомить охотников как с внешним видом водящихся в данном районе хищных птиц (или что то же самое—с верными названиями хищных птиц, знакомых ему по внешнему виду), так и со значением этих видов в сельском и охотничьем хозяйстве. Из технических мер для истребления хищников можно указать охоту с филином и разорение гнезд. Птичьи капканы и ловушки следует употреблять осторожно и лишь те, которые не грозят уничтожением полезных хищников. Стрельба случайно налетевшего вредного хищника больших результатов дать не может. Поскольку ястреба и крупные благородные сокола очень осторожны, они обычно появляются столь неожиданно, что буквально не успеваешь выстрелить.

При борьбе с хищными птицами еще больше, чем со зверями, надо помнить, что полное их уничтожение безусловно нежелательно,—они необходимы для поддержания всего стада промысловых животных в здоровом состоянии.

Другим фактором, имеющим большое значение в улучшении условий существования промысловых животных, является истребление их биологических конкурентов. К сожалению, эти вопросы разработаны еще меньше, чем борьба с хищниками.

Огромное повышение плотности населения охотничьих и промысловых животных может дать увеличение кормности района в самой простой и непосредственной форме—в форме подкормки животных. Мы знаем, что практикующаяся во многих спортивных хозяйствах Западной Европы подкормка благородного оленя, косули, лани, кабана, серой куропатки, фазана приводит к чрезвычайно большому увеличению количества подкармливаемых животных.

В литературе не раз попадались указания, что в будущем охотничье дело пойдет именно по этому пути и что все промысловые животные будут подкармливать-

ся. Такой взгляд, конечно, верен лишь по отношению к охотничьим хозяйствам типа любительского, где охотник в первую очередь заинтересован в получении максимального удовольствия, и где охота не является для него источником существования. Второй случай, когда этот взгляд будет верен, это когда повышение кормности охотугодий достигается путем использования для подкормки продукции других видов хозяйства, не находящей почему-либо применения, а подкармливаемое животное дает высокоценную продукцию. Как, например, здесь можно указать на возможность подкормки пса отходами от зверобойного и рыбного промысла, так как эти отходы пока не используются. Ведь содержание домашнего животного, требующего заботы (труда) со стороны человека, а в том числе и подкорма, выгодно потому, что труд этот сводится лишь к уходу, а для получения продукции, т. е. для убоя, затраты труда почти никакой не требуется, тогда как на добычу дикого животного труда затрачивается очень много. Кроме того, и за время существования домашние животные оплачивают свое содержание либо как рабочая сила (лошадь, бык и др.) или все время являясь производящим ценности (шерсть, молоко, яйца и т. д.), или требуют минимум ухода и весьма дешевых кормов, быстро нарастая в весе и давая высококачественную продукцию—мясо, жир (свинья).

Но как только животное перестает быть постоянным источником ценностей, или если продукция, получаемая при его убое, не является высокоценной, а эксплуатация требует большой затраты труда, то сейчас же содержание его становится невыгодным. На примере кабанов, сусликов, а местами и водоплавающей дичи и других промысловых животных, мы видим, что они пользуются охраной лишь тогда, когда их кормовой базой служат дикорастущие растения. Но как только те же животные начинают питаться за счет посевов, так сейчас

же содержание их становится убыточным, и они начинают рассматриваться, как вредители, подлежащие истреблению наравне с волками, которые тоже дают пушнину, но существуют главным образом за счет истребления сельско-хозяйственных животных. Следовательно, в промысловых охотничьих хозяйствах, где продукция охотничьего промысла составляет значительную часть бюджета охотника, подкормка промысловых животных может иметь место лишь в исключительных случаях.

Главное преимущество охотничьего хозяйства именно в том и заключается, что путем охот мы получаем ценную продукцию, затрачивая труд лишь на добычу животного, которое в свою очередь для своего существования использует ту кормовую базу, которая иным путем не может быть использована. Как общее правило, только особые условия делают рентабельными затраты на подкормку охотничьих и промысловых животных. Главнейшие из этих условий следующие:

1. Особая ценность продуктов, доставляемых животными. Шкурка ряда пушных животных расценивается столь высоко, что выдерживает даже сравнительно большие затраты на подкорм этих животных. Пример — островное хозяйство голубых песцов, получающих регулярный подкорм в кормушках-ловушках. Из других продуктов, доставляемых животными, должны быть отмечены панты марала и пятнистого оленя. Высокая цена пантов также позволяет с прибылью вести пантовое хозяйство. К этой же группе можно отнести и разведение животных, служащих объектом спортивной охоты. Здесь учитывается не материальная их ценность, а удовольствие, доставляемое самим процессом охоты и тем наблюдениями, которые также представляют большой интерес для большинства охотников.

2. Дешевизна корма и краткость времени подкормки. Общая кормность района определяется качествен-

ным и количественным наличием нужных животному кормов в период наименьшей кормности (напр., зимой). Как бы ни был велик запас кормов в один какой-либо период,—на территории охотничьих угодий сможет сохраниться лишь такое стадо, которое прокормится на этих угодиях в то время, когда кормов этих по условиям климата становится значительно меньше (зима, засуха). Точно то же отношение будет и между количеством животных и тем кормовым продуктом, который находится в минимуме, напр., соль, нужная для копытных животных.

Поскольку количество промысловых животных находится в прямой зависимости от общей кормности района и от наличия того продукта (или иного фактора), который находится в минимуме, то избыточное количество кормов в другие периоды или избыточное количество других кормовых ресурсов при обычном количестве продукта, находящегося в минимуме, не повысят средней годовой плотности промысловых животных на единицу площади. Поэтому при проведении мероприятий по повышению кормности района необходимо очень тщательно изучить все условия. Увеличивая наличие фактора, находящегося в минимуме, или искусственно повышая количество кормовых ресурсов в неблагоприятное время, мы тем самым «развязываем», делаем доступным для использования промысловыми животными несомненно большее количество пищевых ресурсов по сравнению с теми, которые мы практически истратили для подкормки. Подкармливая серых куропаток в течение короткого времени в период наста или выпадения глубокого снега, мы можем вызвать значительный прирост птицы, так как в остальное время кормовая база охотничьих угодий будет вполне достаточна для того, чтобы прокормить это увеличенное стадо. Устроив искусственный солонец в защищенном месте, удобном для беспрепятственного пользования ко-

пытных животных (марала, пятнистого оленя, лося, косули), мы затрачиваем очень небольшое количество труда и дешевого продукта (соли; но создавая этим возможность получить животному необходимое ему ничтожное по весу количество соли, которая является фактором, находящимся нередко в минимуме, мы повышаем плотность стада копытных животных на единицу площади охотничьих угодий. Запрудив пересыхающий ручей и обеспечив промысловым животным столь дешевый продукт, как воду, ценность которой в данном случае определяется лишь стоимостью работы по устройству плотины,—мы иногда можем сильно повысить плотность населения промысловых животных, раньше не смогших использовать кормность района за отсутствием водопоев.

В настоящее время, в момент грандиозной перестройки всего народного хозяйства СССР, конечно, гораздо больше значения имеют косвенные пути изменения кормности районов, являющиеся результатом деятельности человека. Действительно, хозяйственная жизнь человека, изменяя весь облик района, в том числе и его кормность, несомненно крайне изменит вообще все условия обитания охотничьих животных. Вырубка леса, распашка целины, осушка болот, устройство запруд и наконец постройка города—все это заставляет одни биоценозы (сообщества) с определенными видами промысловых животных исчезнуть, а другие биоценозы, с другими характерными промысловыми животными—появиться. Конечно, все условия существования, в том числе и кормность, для тех видов, которые останутся при новых условиях, сильно изменятся. Принято утверждать, что большинство наиболее обычных, типичных воздействий человека на окружающую природу, являющихся прямым или косвенным следствием его хозяйственной деятельности, уменьшают кормность района. Это далеко не всегда верно. Если мы возьмем ста-

цию—глухую тайгу, считающуюся наиболее типичной для охотничьего промысла (я не касаюсь вопроса, насколько это правильно), то мы увидим, что наиболее типичное воздействие человека—порубки, вызывая рост мягких пород дерева, ягодника и густой травы, не понижают, а сильно повышают кормность. Всякий, на практике знакомый с северными сплошными хвойными лесами, знает, насколько они бедны животными. Большинство промысловых птиц и зверей сосредоточивается около прогалин, полей, порубок. И это вполне понятно. Разросшиеся ягодники дают корм не только всем куриным птицам, но и хищникам. Медведь, куница, соболь—все они охотно поедают ягоды. Осинковая кора—любимый корм лося и беляка. Сочные травы привлекают и других копытных. Обилие животной пищи привлекает хищников. В результате—разреженное от глухого леса местечко становится средоточием промысловых животных.

В южной части таежной полосы вырубка леса и распашка земли, помимо указанных результатов, вызывает проникновение дальше к северу во вновь освободившиеся от леса участки зайца-русака и серой куропатки, что в свою очередь сильно увеличивает кормность для хищных пушных зверей и в первую очередь для лисицы.

На приведенных примерах видно, что далеко не всегда воздействие человека понижает кормность района. В действительности в большинстве случаев (хотя тоже не всегда, конечно) оно увеличивает кормность. Интересно отметить, что наиболее измененные человеком участки, стация населенных пунктов, несомненно обладает относительно огромной кормностью. Если бы мы сумели перечислить выход охотничьей продукции на единицу площади по разным стациям, то мы, вероятно, увидели бы, что выход мяса (голуби) и пушнины (хорьки, ласка, горноста́й, солонгой) на ста-

ции населенных пунктов, вероятно, оказался бы больше, чем на какой бы то ни было иной, что, конечно, косвенно подтверждает огромную ее кормность.

К сожалению, у нас пока еще нет объективного мерила кормности района. Может быть самым верным измерителем был бы учет плотности промысловых животных на типичных участках, не подвергающихся промыслу; но такого учета у нас пока нет или точнее—мы только сейчас его пытаемся создать. Единственная реальная статистика—это учет не наличия промысловых животных, а их добычи. Если добыча животных, добываемых ради мяса, не может быть учтена сколько-нибудь точно, то добыча пушных зверей (поскольку пушнина почти целиком товарна, а ее заготовка сосредоточена в немногих крупных организациях) учтена вполне удовлетворительно.

Конечно, надо помнить, что величина добычи зависит не только от плотности промысловых животных, на величину добычи влияет и интенсивность промысла, количество охотников на единицу угодия, их опытность, наличие необходимого снаряжения и экономическая их заинтересованность в результатах промысла, доступность охотугодий и целый ряд других причин как прямых, так и косвенных. Все это в конечном итоге определяет превышение (перепромысел) или недостижение (недопромысел) среднего годового максимально-допустимого размера добычи. Чрезвычайно интересные цифры, приводимые М. И. Коганом, указывают нам, что в среднем ценность выхода пушнины (по заготовительным ценам) в малонаселенных районах на единицу площади охотугодия (на 1 кв. километр) ниже выхода в непромысловых, более густонаселенных районах. Так, выход пушнины в 1928/29 г. на 1 кв. километр по Сибирскому краю был 3 руб., по Уральской области—2 р. 42 к., а по Ивановской области—4 р. 83 к. и по Московской—4 р. 85 к. Если бы мы приняли во внимание и выход

мясной продукции охотпромысла—разница в показателях по районам была бы еще большей. Эти данные о выходе пушнины показывают, поскольку неправы те, кто полагает, что выход охотпродукции на единицу площади в промысловых районах выше, чем в непромысловых. Промысловость района характеризуется не величиной выхода охотпродукции, а отношением между ценностью охотпродукции и продукции других видов хозяйства района и удельным весом дохода от охоты в общем доходе населения.

Мы уже видели, что хозяйственная деятельность человека часто увеличивает количество кормовых ресурсов, а потому заселение района, увеличение плотности населения и развитие хозяйства отнюдь не всегда связано с уменьшением кормности района, а, следовательно, не должно обязательно вести к уменьшению количества промысловых животных. На это же косвенно указывают и цифры, характеризующие выход пушнины на единицу площади в промысловых и непромысловых районах.

Однако, быстрое (часто катастрофически быстрое) уменьшение количества многих промысловых животных—несомненно. Также несомненно, что за последние несколько десятилетий количество соболя, выдры, бобра, пятнистого оленя, гаги, белой цапли, а за последние годы корсака, сурка и т. д. чрезвычайно уменьшилось. Несомненно, что в огромном большинстве случаев единственной причиной явилось просто неумеренное истребление их охотниками, превышение добычей допустимого максимума. Сравнительно очень простые и требующие лишь ничтожных капиталовложений мероприятия—урегулирование отстрела, прекращение излишнего промысла, в некоторых случаях запуски должны быстро восстановить прежнее изобилие зверя и птицы.

Бывают случаи, когда фактором, находящимся в минимуме, является наличие удобных мест для устрой-

ства гнезд и логовищ. В таком случае несомненно соответствующее мероприятие, развязывающее это «узкое место», может сильно повысить плотность населения промысловых животных. Но устранение этого узкого места, т. е. устройство гнездовий, будет иметь смысл лишь при одновременном наличии трех условий:

1) наличие удобных убежищ является фактором, находящимся в минимуме.

2) животное легко занимает приготовленное для него убежище.

3) устройство их не требует больших расходов.

Ряд птиц очень легко занимает различные домики, дуплянки и гнезда. Всем известные скворешники, так легко занимаемые скворцами и воробьями, могут служить примером таких искусственных сооружений. Практика привлечения в сады и лесные участки полезных насекомоядных птиц, которые, помимо прямой приносимой ими лесу пользы, так оживляют леса и сады своим пением и красотой оперения,—выработала более целесообразные формы домиков, нежели общеизвестные скворешники. В этих домиках поселяются мухоловки, синицы, горихвостки и т. д. Не только певчие, но и многие промысловые птицы легко занимают искусственные домики. Утка-поганка охотно гнездится в разных искусственно сделанных щелях и норах, гаги легко занимают сложенные для них в подходящих местах кучи камней с соответствующими углублениями. Нужно думать, что не только промысловые птицы, но и некоторые промысловые звери легко будут занимать искусственные убежища. Это хорошо видно хотя бы на примере песца. По сообщению А. Н. Формозова, в низменной и болотистой тундре все возвышечные холмики заняты песцовыми норами. Охотничье население прекрасно учитывает значение таких холмов. Это видно из того, что по действующему обычному праву добы-

вать молодых песцов допускается, но разрушать и раскапывать норы считается большим преступлением.

Стоимость сооружений искусственных убежищ может быть весьма разнообразна в зависимости от того, что из себя представляет это сооружение. Домик, дуплянка, куча, камней, холмик, группа деревьев, кустарников или трав,— вот, примерно, какими могут быть эти сооружения. В зависимости от места их возведения и нужного для этого материала, стоимость их будет, конечно, неодинакова. Поэтому при решении вопроса о целесообразности того или иного сооружения это должно быть принято во внимание.

Огромные возможности для повышения продуктивности охотугодий дает акклиматизация новых видов промысловых животных и реакклиматизация живших в данном районе, но чему-либо исчезнувшим.

Произвести один раз посадку, а потом неограниченное время использовать новый вид животного после того, как оно достаточно размножится, конечно, мысль крайне привлекательная.

Можно было бы привести множество примеров легкого приживания новых видов после выпуска нескольких экземпляров. Но мы знаем также, что было очень много случаев, когда акклиматизация производилась человеком невольно и причиняла вред. Достаточно вспомнить перенос филлоксеры из Америки, которая так прочно прижилась у нас, что и до сих пор продолжает губить наши виноградники; сюда же могут быть присоединены перенос и акклиматизация по всему свету домашних мышей и крыс и т. д. Но не только такая невольная акклиматизация приносит огромные бедствия. Иногда завоз нового вида животного, сделанный хоть и сознательно, но без тщательного изучения вопроса и без учета возможных последствий также оказался весьма вредным. Уже вышеупомянутый кролик—в Австралии долго являлся вредителем сельского хозяйства, только

сильное повышение цены на его мех сделало его из вредителя очень ценным промысловым зверьком. Там же акклиматизация воробья, сделанная сознательно, причинила весьма большие бедствия. Поэтому, когда предполагается произвести акклиматизацию нового животного, надо не только весьма серьезно изучить этот вопрос, принимая во внимание все изменения, которые может произвести введение новой формы в издавна сложившемся соотношении и взаимную зависимость форм данного биоценоза, но и проверку путем постановки ограниченного опыта.

При акклиматизации крупных животных это не так страшно—в случае необходимости новое животное всегда может быть отстреляно, но при акклиматизации мелких и трудно достижимых животных (особенно мелких грызунов) ошибка может грозить бедствием. Если можно привести много примеров удачной акклиматизации, то еще несравненно больше случаев неудачной. Животное не приживается на новом месте и без постоянного покровительства человека существовать не может. Это также должно всегда принимать во внимание при решении произвести акклиматизацию. Если даже самое тщательное изучение экологии акклиматизируемого животного и физико-географических и биологических условий заселяемой местности и не всегда может дать заранее уверенность в удаче акклиматизации, то во всяком случае, предварительное возможно более подробное изучение этих вопросов может сильно повысить вероятность удачи или избавить от бесцельных расходов.

Если акклиматизация—дело очень капризное, в удаче которого очень трудно быть уверенным заранее, то часто значительно проще провести реакклиматизацию, т. е. восстановление когда-то распространенного, но затем почему либо исчезнувшего в данном районе животного. В большинстве интересующих нас случаев при-

ствительно, ведь наличное количество промысловых животных исчезновения вида было просто истребление его человеком. Если со времени исчезновения животного важнейшие условия района не изменились или изменились не в худшую для данного животного сторону—сама подсадка животного произведена разумно, в успехе реакклиматизации можно быть почти уверенным. Косуля, речной бобр и соболь—животные, особенно интересные в наших условиях для опытов реакклиматизации.

При реакклиматизации так же, как и при акклиматизации, надо помнить, что все будущее наличное стадо будет прямыми потомками немногих подсаженных особей. Поэтому следует максимум внимания обратить на наследственные качества подсаживаемых животных. Так, соболей для подсадки следует брать только лучших кряжей (если нет оснований полагать, что они окажутся почему-либо менее жизнеспособными в условиях данного района).

Если животное, которое мы хотим реакклиматизировать, находится вблизи интересующей нас местности и не отделено непроходимыми для него преградами, никакая подсадка не нужна, потому что может быть достаточно поставить животное в более благоприятные условия (например, уменьшить промысел), и оно, начав увеличиваться в числе, само начнет расселяться по площади и проникнет в интересующий нас район. Если же район обитания животного слишком отдален, ждать естественного проникновения не следует, а целесообразнее произвести подсадку.

Иногда производят подсадку не с целью акклиматизации или реакклиматизации, а просто с целью увеличения животных того вида, который уже имеется на охотугодии, но имеется, по мнению производящих подсадку, в слишком малом количестве. Такую подсадку нужно продумывать еще серьезнее и предварительно постараться выяснить причину малой численности. Дей-

вотных чем-то определяется. Если их мало, то это либо результат излишнего промысла, и тогда оно быстро возрастет в результате прекращения промысла; если же промысел прекращен не будет, то все равно вновь подсаженные экземпляры будут скоро выбиты. Если малое количество животных зависит от малой кормности района, то ясно, что никакая подсадка не поможет. Нужно либо увеличивать кормность района, либо примириться с малой численностью охотничьих животных. Если малая плотность получилась в результате избытка хищников или эпидемической болезни, то надо помнить, что вновь подсаживаемые животные, ослабленные неволей, незнакомые с местными условиями, окажутся в особо неблагоприятных условиях и имеют все шансы погибнуть в первую очередь, не увеличив или увеличив лишь ничтожно численность оставшихся в живых.

Наконец, иногда производят подсадку охотничьих животных не для того, чтобы они разводились, а для того, чтобы эти экземпляры можно было убить на ближайшей охоте.

Следует особо отметить еще один способ увеличения плотности промысловых животных, уже имеющих в охотугодиях. Это — охрана животных во время стихийных бедствий (от голода или весеннего разлива). Весной в поймах больших рек скопляются на островах, а после поднятия воды выше данного острова гибнет много всяких зверьков (чаще всего зайцы). Еще Некрасовым («Дедушка Мазай и зайцы») описано их спасение. В настоящее время некоторые союзы и артели ситемы охоткооперации (напр., Татоблохотсоюз) организовал в большом масштабе спасение зайцев в половодье. Выпуская затем в соседние угодия легко пойманных на островах зайцев, шкурка которых не имеет в это время никакой ценности, охотники увеличивают добычу ближайшей зимы не только спасенными зайцами, но и их приплодом.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Продуктивность охоты годия можно повышать также путем повышения ценности добываемой продукции, т. е. добывая продукцию в ее наиболее ценном и выгодном для дальнейшего использования виде. Перед охотничьим хозяйством СССР в этом направлении имеются огромные возможности. Очень интересная статья М. И. Когана «Качество пушнины» («Пушное Дело» №№ 6—10 за 1928 г.) показывает, какие огромные потери являются результатом добычи невыходного зверя и неправильной с'емки и обезжиривания шкурки. По подсчетам этого автора, СССР теряет в год десятки миллионов рублей на этих недостатках пушнины. А ведь они сравнительно легко могут быть устранены. Три способа, применяемые одновременно, помогут изживанию этих потерь.

1. Культурно-просветительные мероприятия, направленные в сторону обучения охотника правильной с'емке, сушке и хранению пушнины. Этого можно добиться распространением плакатов, листовок, наглядных коллекций в охоткооперативных организациях и пушно-заготовительных пунктах и раз'яснением невыгодности для него промысла на невыходного зверя и недоспелую дичь.

2. Более жесткое, чем до сих пор снижение расценки на низкие сорта пушнины и полное запрещение приема невыходной или испорченной с'емкой пушнины,

с применением репрессий к нарушителям этих постановлений.

3. Приписка охотугодий и коллективизация охот-промыслов, что послужит к изживанию конкуренции между охотниками, вызывающей несвоевременный выход на промысел.

Эти три способа дадут возможность значительно повысить доходность нашего охотничьего хозяйства.

Особо заметный эффект может дать разумное использование мясной продукции. До настоящего времени фактически товарной продукцией является лишь та часть дичи, которая добывалась зимой, и, следовательно, могла быть заморожена. Да и из этой части очень много портится, становится неэкспортной и теряет значительную часть стоимости, благодаря неправильному, недостаточному или небрежному замораживанию. Огромное количество перелетной дичи, отлетающей еще до наступления зимы, не использовалось потому, что не могло быть из-за теплого времени приведено в ликвидный, долго сохраняемый и, следовательно, выносящий перевозку вид. Почти не использовалась она и на внутреннем рынке, главным образом, вследствие неорганизованности сбыта.

Организация сравнительно несложных мероприятий по посолке, копчению и приготовлению маринадов из дичи может чрезвычайно поднять ценность выхода мясной продукции охотугодий. Приготовление из дичи консервов (в жестяных банках) более сложно и требует для рентабельности организации доставки большого количества сырья в одном месте. Поэтому консервирование следует ставить там, где уже оборудован завод, изготавливающий консервы другого рода, — такой завод легко может быть приспособлен к переработке некоторого количества дичи. Или там, где дичь скопляется в очень большом количестве (пролетные пути, зимовки) или легко может быть подвезена.

Все эти мероприятия могут сильно повысить продуктивность охотугодия, а также могут дать новые большие ценности для экспорта.

Наконец, немалое значение имеет организация доставки дичи в свежем или охлажденном виде в города. Несомненно, что представление о с'едобности или не с'едобности того или иного мяса часто определяется только предрассудком и привычкой. Вспомним, что во многих местах СССР не едят голубей и зайцев. Общепринятые в пищу и рассматриваемые, как деликатес во Франции—лягушки вызывают у большинства русских отвращение при одной мысли об их еде. Еще более чужда для нас китайская кухня. С другой стороны, лица, пробовавшие мясо волка или суслика, отзываются о нем с большой похвалой. Несомненно, что среди обычно неупотребляемых в пищу животных многие могут быть использованы, что даст сразу реальную ценность продуктам, не имевшим до того времени никакой цены, а, следовательно, повысит общую доходность охотугодий.

Стремясь использовать потенциальную продуктивность охотугодий в максимальном ценностном выражении, не следует забывать яйца. Теоретически вполне возможен случай, когда разумный отбор яиц будет наиболее выгодной формой использования птицы. Это относится к таким колониально гнездящимся формам (чайки, крачки и т. д.), сбор яиц у которых нетрудно организовать. Разумеется, неразумный излишний отбор яиц, так же, как и излишний отстрел, легко может повести к исчезновению эксплуатируемого вида, но рациональная эксплуатация яиц столь же допустима, как и всякое иное охотничье использование животных. Принимая во внимание особенную легкость сбора яиц по сравнению с прочими формами охотничьей добычи животных, а, следовательно, и особую опасность этого промысла в неорганизованных охотугодиях,

законодатель был, конечно, прав, запрещая его, но мы полагаем, что разрешение сбора яиц некоторых видов птиц в правильно ведущихся охотхозяйствах, проводимое с учетом наличия птицы и допустимого без вреда для основного стада сбора яиц, было бы целесообразно. Говоря о более выгодном использовании продукции охотхозяйства, не надо забывать о пере и пухе. В большинстве дичь, поступающая в продажу, продается в перо, а перо и пух птицы, добытой для личного потребления, обычно используются крайне нерационально, а иногда просто выбрасывается. Вместе с тем, перо и пух дикой птицы расцениваются значительно выше получаемого от домашних. Принимая во внимание количество добываемой птицы, несомненно непроизводительно используется эта побочная продукция дичного промысла на очень большую сумму.

Особенно нецелесообразно используется пух гаги. Гагачий пух, выщипанный самой самкой для застилки гнезда, с давних пор расценивается очень высоко по сравнению с пухом других пород птицы, который он значительно превосходит своей теплотой, легкостью и эластичностью. Кроме того, он совершенно не сваливается в войлокоподобную массу, в какую превращается пух других пород дичи под влиянием долгого трения и тряски.

Стоимость очищенного гагачьего пуха в настоящее время доходит, примерно, до 200 р. за кило. Но так высоко ценится только гнездовой, выщипанный самой птицей пух. Выщипанный с убитой птицы пух несравненно менее ценен. Он жирнее, тяжелее, менее тепел и легче сваливается при хранении.

Осторожная выемка пуха гнезда не причиняет никакого вреда гаге. К сожалению, у нас, вместо правильной эксплуатации гнездовой гаги, ее очень интенсивно преследуют. В результате количество гнездовой гаги быстро уменьшается в числе, а промышленник, вме-

сто большого количества ценного продукта, получает лишь малое количество несравненно менее ценного пуха и невкусное, мало ценное мясо.

Часто несравненно более выгодно не убивать животное, а добывать его в живом виде для продажи в зоопарки, зоофермы, или для подсадки в другие охотхозяйства. Заграница также пред'являет большой спрос не только на сравнительно редких животных для зоологических садов, но и на таких промысловых животных, как заяц и куропатка, для подсадки в охотничьи хозяйства. Развитие этого вида экспорта крайне желательно, но при неперменном условии удовлетворения в первую очередь потребности наших зоосадов и охотничьих хозяйств и абсолютном запрете вывоза заграницу живого соболя, монополию на которого следует сохранить. Развитие зооэкспорта также может дать порядочные суммы в валюте.

Наконец, иногда можно выгодно использовать животное и иным путем. Мы имеем в виду организацию правильных охот на вредных хищников—волка, рысь и медведя, а также и крупных копытных, запасы которых не истощены (запасы кабана на Кавказе и других местах) и привлечение на эти охоты иностранцев-туристов. Развивая этот способ, мы, с одной стороны, усилим отстрел хищников, а с другой, выручая большие суммы в валюте от интуризма, мы увеличим доходы от охотничьего хозяйства и для государства, и для тех охотников-промышленников, которые используют те охотничьи угодия, на которых будут организованы такие охоты.

Как мы уже говорили, в рациональном хозяйстве предполагается применение такой техники охоты, которая обеспечивала бы использование всех добытых животных и причиняла бы самый минимальный вред, а в пределе не причиняла бы никакого вреда тем животным, которые сохраняются в охотугодиях в каче-

стве производителей. Мы знаем, что в настоящее время этого нет. Наоборот, расстановка одним промышленником такого большого количества ловушек, которое он не может осматривать так часто, как это нужно, приводит к тому, что очень значительный процент попавших в ловушки животных гибнет или без всякой пользы для промышленника, или сильно понижается в цене, повреждаясь хищниками и другими вредителями. Отнюдь не высказываясь за полное уничтожение самозловных аппаратов, мы должны стремиться к сокращению их до такого количества, которое может быть своевременно осмотрено.

Немало животных гибнет без пользы для охотника и при ружейной охоте. Это наблюдается тогда, когда охотник стреляет не в меру, на «авось» без учета—будет взята убитая дичь или нет. Такая стрельба дает высокий процент подранков, а часто и битая на смерть птица попадает в такое место, откуда не может быть извлечена. Характерно, что, по общепринятой на Западе охотничьей этике, там никогда не стреляют дичь вне пределов верного выстрела, чтобы не пустить подранка. У нас же, наоборот, охотники хвастаются тем, что убили животное на огромном расстоянии случайными выстрелами, шальными дробинами, забывая, что, взяв таким выстрелом одно животное, они переранили большое количество дичи, которая хотя и улетела, но часто потом бесцельно погибала от полученной раны.

Огромным злом этого же порядка является применение отравы при промысле пушных зверей. Значительная часть отравленного зверя гибнет не найденная охотником. Это чаще всего бывает, когда зверь взял отраву во время снегопада или метели.

Все эти примеры указывают на то значение, какое могут иметь для охотничьего хозяйства такие простейшие массовые мероприятия, проводимые самими заинтересованными в улучшении хозяйства охотниками в

процессе самой охоты, как простое упорядочение способов добычи. Поэтому-то мы и не считаем целесообразным в настоящий момент увлекаться применением дорого стоящих мероприятий в охотничьем хозяйстве. Если имеющиеся в нашем распоряжении денежные средства и квалифицированных работников мы используем на работе по проведению в жизнь простейших массовых мероприятий, но проведем их на больших площадях, закрепив их за кооперированными охотниками, то мы получим значительно больший эффект, чем если бы мы использовали эти средства и силы на организацию хозяйств на маленьких площадях с идеальной постановкой количественного пвидового учета и отстрела.

Мы полагаем, что наше охотничье хозяйство нуждается не столько в интенсификации, сколько в рационализации обычных форм его эксплуатации.

Все сказанное можно кратко изложить в следующих тезисах:

1. Охотничий промысел имеет огромное народно-хозяйственное значение для СССР и весьма широкие перспективы к дальнейшему развитию.

2. Охотничье хозяйство по самому существу биологии огромного большинства промысловых животных связано с огромными пространствами и по сравнению с другими отраслями хозяйства дает очень незначительный доход на единицу площади, т. е. является хозяйством, весьма экстенсивным.

3. В настоящее время положение охотничьего хозяйства является неблагоприятным, а по некоторым районам и видам животных — катастрофическим.

4. Охотхозяйство СССР нуждается не столько в интенсификации, сколько в рационализации экстенсивных его форм. Рентабельность капиталовложений в интенсификацию охотхозяйства несомненно меньшая, чем в рационализацию экстенсивных форм.

5. СССР, как единственная в мире страна, могущая все народное хозяйство подчинить единому плану, имеет исключительные возможности по организации и регулированию охотхозяйства.

6. Важнейшими моментами регулирования охотничьего хозяйства являются:

а) приписка охотугодий,

б) правильная политика заготовительных цен на продукты охоты и в первую очередь на пушнину и

в) организация переработки и транспорта мясной продукции охотничьего промысла.

7. Закрепление охотугодий за охоткооперативными объединениями, передавая строительство охотхозяйства самим организованным охотникам, дает возможность с самого начала организовать хозяйство по принципу нормирования видового контингента отстрела, что делает излишним организацию заказников и содержание для их охраны особо оплачиваемой охотничьей стражи.

8. Охотничье хозяйство СССР исследовано крайне мало и, являясь важнейшей отраслью народного хозяйства страны, требует подобных исследований как по биологии промысловых животных, так и по экономике и технике охотхозяйственных мероприятий.

9. Охотничье хозяйство у нас не пользовалось достаточным вниманием до самого последнего времени. Особенно плохо было дело с капиталовложениями как в дореволюционное время, так и после революции, хотя охотничье хозяйство и раньше имело большое значение в народном хозяйстве. Управление охоты в бывшем министерстве земледелия, за отсутствием периферийного аппарата, существовало лишь формально. Научно-исследовательская работа в области охотоведения была крайне незначительна; законы об охоте регулировали по существу главным образом спортивную охоту, а не охотничий промысел. Государство, пользуясь доходами от охотничьего промысла, не произво-

дило в него почти никаких капиталовложений. Даже специальный капитал, созданный путем взимания платы за право охоты (3-х рублевая оплата, охотничьих свидетельств, существовавшая до революции, шла в так называемый «охотничий фонд», который по прямому смыслу закона должен был расходоваться только на нужды охотничьего дела), в действительности тратился на что угодно, но только не на охотничье хозяйство, вплоть до постройки дворца саратовскому губернатору.

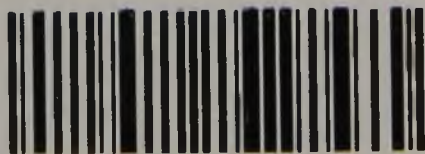
Лишь закон 10 февраля 1930 года устанавливает плановое финансирование охотничьего хозяйства путем процентных отчислений с реализации пушнины, идущих в фонд восстановления пушно-сырьевой базы страны. Этот же закон подводит твердую правовую базу и под приписку охотничьих угодий к отдельным звеньям охоткооперации. Благодаря отпуску средств из фонда восстановления пушно-сырьевой базы в текущем году широко развернулась работа по охотэкономическому обследованию охотничьих угодий, а следовательно, нужно ожидать, что еще в текущем году значительная часть их будет закреплена за системой охоткооперации. Тем самым будет устранено основное препятствие, затрудняющее рационализацию охотничьего промысла, будет ликвидирована бесхозяйственность охотничьих угодий, начнется коллективизация охотничьего хозяйства, а с ней прекращение конкуренции охотников друг с другом и возможность проведения тех простейших мероприятий, о которых говорилось выше. Мы полагаем, что в большинстве случаев мы сумеем путем ознакомления охотников с основными естественными законами, которым подчинено охотничье хозяйство, добиться правильного использования ими запасов охотничье-промысловых животных. Если бы в отдельных случаях этого оказалось недостаточно, то мы имеем два могучих средства регулировать добычу животных на больших территориях, не касаясь ограничения добычи

каждого охотника в отдельности. Одним из таких средств является политика цен на продукты охоты. Действительно, важнейшим в настоящий момент продуктом охоты является пушнина, продукт, в огромной своей части не только товарный, но и экспортный. Заготовка пушнины фактически монополизирована государственными и кооперативными заготовителями. Практика показывает, что изменение заготовительных цен резко отзывается на количестве заготовленной пушнины. Таким образом, регулируя цены как на разные виды, так и на отдельные кряжи одного вида, мы можем регулировать интенсивность добычи разных видов по отдельным районам. СССР — единственная в мире страна, хозяйство которой определяется не игрой частных конкурирующих интересов, а общего — государственным планом, исходящим из интересов всего народного хозяйства — находится в исключительно благоприятных условиях для такого регулирования, поскольку назначение цен зависит от самого государства. Поднимая цены на определенные виды пушнины (скажем, на волка, рысь, росомаху), мы можем стимулировать уничтожение этих вредителей сельского и охотничьего хозяйства, чем в то же время увеличиваем выход пушнины этих видов, улучшаем условия жизни ценных промысловых животных, снижаем количество врагов для одних конкурентов на запасы пищевых ресурсов для других.

Поднимая цены на зайца-беляка в некоторых районах, мы стимулируем его добычу там, где она далеко не достигает допустимого максимума, т. е. там, где мы не рискуем подорвать основное стадо. Наоборот, снижая цены на соболя, мы заставляем промышленника отказаться от преследования этого труднодобываемого зверя, основное стадо которого так сильно подорвано, и побуждаем его перенести всю свою энергию на добычу тех видов, добычу которых мы стимулируем в этом районе повышением цены. Изменяя заготовительные цены

мы действительно можем регулировать интенсивность добывания разных видов животных и направлять внимание охотника-промысловика на те объекты охоты, добычу которых считаем возможным и необходимым увеличить.

Огромный интерес, проявляемый широчайшими кругами охотничье-промыслового населения к вопросам охотничьего хозяйства, который приходится наблюдать на общих собраниях в коллективах и на собраниях уполномоченных всех звеньев системы охотничье-промысловой кооперации, все шире и шире развертывающийся процесс коллективизации всех видов хозяйства и то прочное положение, которое приобретает охотничье хозяйство с изданием «Положения об охотничьем хозяйстве РСФСР», дает нам полную уверенность в том, что реконструкция охотничьего промысла в подлинное охотничье хозяйство—дело весьма недалекого будущего.

787

ЦЕНА 20 КОП.

**Заказы на книги направляйте:
Москва Центр, Петровка, 5, КОИЗ**